

2.5. Экономическая политика Министерства финансов в Маньчжурии

Вместо развития собственной дальневосточной окраины усилия Министерства финансов оказались направлены на развитие Маньчжурии. За десятилетие с 1895 г. сумма русских инвестиций более чем в 5 раз превысила стоимость русского экспорта в Китай. По подсчётам М.И. Сладковского, за 1895–1904 гг. в систему КВЖД и хозяйственное развитие её инфраструктуры было вложено 563,5 млн. руб., тогда как весь русский экспорт в Китай за эти же годы не превысил 102 млн. руб.¹⁹¹ Правда, вложения шли в основном в пищевую промышленность, а ещё точнее – преимущественно в мукомольное производство. Они сопровождались протекционизмом: заградительные пошлины на муку препятствовали развитию производства в Забайкалье, Приамурье и Приморье¹⁹². Тем не менее, позиции русских в экономике Маньчжурии были не так уж значительны. В частности, количество полученных концессий оказалось весьма невелико: в Мукденской провинции это были соглашения о разработке угля, подписанные 20 апреля 1902 г. между строительным управлением КВЖД и цзянь-цзюнем. В Гиринской и Хэйлунцзянской провинциях это были договоры также о добыче каменного угля для КВЖД, заключённые 2 июня 1901 и 1 января 1902 гг. И, наконец, в Маньчжурии действовало 9 концессий на золотодобычу, полученных русскими подданными¹⁹³.

Состояние горнодобывающих предприятий России на Дальнем Востоке по заключению инспектировавшего их горного инженера В. Кузнецова уже после русско-японской войны, в 1906 г., было плачевным. Так, даже на русской территории, на Сахалине товарищество «И.О. Маковский и К^о», занимавшееся добычей угля, работая на фантастически льготных условиях (дешёвый труд каторжан, дармовой лес), не вышло «из пределов технически жалкого существования». Продавая уголь по цене, много ниже английской, общество не заботилось «ни о постановке правильного, технически современного предприятия, ни о сохранении богатств, вверенных ему государством». Поэтому создалась опасность того, что эти предприятия постепенно перейдут в руки американцев¹⁹⁴. Немалые

¹⁹¹ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С.331–335. Согласно другим данным, в 1902 г. инвестиции России в Китай составили 220,1 млн. американских долларов, что составляло 43,7% всех вложений в Срединную империю шести крупнейших держав (на долю занимающей второе место Англии приходилось всего 150 млн. долларов – 29,8%) (Remer С.Е. Foreign Investments in China. N.Y., 1968. P.99).

¹⁹² Сурин В.И. Маньчжурия. Экономический обзор. Харбин, 1925. С.10.

¹⁹³ Перечень русских предприятий в Маньчжурии до войны // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.308. Л.1.

¹⁹⁴ Записка о состоянии горнодобывающей промышленности на Дальнем Востоке горного инженера при штабе наместника В. Кузнецова – Е.И. Алексееву 25 марта 1906 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.349. Л.1–6.

деньги российские власти успели вложить в экономику Квантуна. Летом 1905 г. число возможных претензий японцам только от частных владельцев составило 2257,5 тыс. руб. Самыми крупными из них являлись три золотые рудника (сумма затрат составляла около 310 тыс. руб.), два угольных и один железный рудник (100–200 тыс. руб.), цементный завод (190 тыс. руб.) и солеварня (7,5 тыс. руб.).¹⁹⁵

Тем не менее, быстро превратить Маньчжурию в преуспевающий и высоко-развитый в экономическом отношении район было невозможно. Обзоры фудунств в Северном Китае, составленные офицерами Генерального штаба в 1901 г., нарисовали удручающую картину. Практически вся Северная Маньчжурия представляла собой малонаселённую территорию, где население занималось в основном земледелием. Промышленность представляли немногочисленные кирпичные и ханшинные заводи, а также производства бобового и конопляного масла¹⁹⁶. В Гириной провинции их было, к примеру, соответственно около 140 и 180¹⁹⁷. Всё это производство носило кустарный характер. Поэтому вывод, сделанный относительно Айгунского фудунства, справедлив и по отношению ко всей Северной Маньчжурии: район этот «не имеет для нас значения ни в политическом, ни в экономическом отношении и лишь в военном значении его более или менее важно благодаря присутствию Амура»¹⁹⁸. Экономическое обследование полосы вдоль КВЖД, проведённое в 1903 г., показало,

¹⁹⁵ Справка о частных горнопромышленных предприятиях на Квантуне, составленная горным инженером С.С. Пузановым 22 июня 1905 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.308. Л.2–3.

¹⁹⁶ В Бутханском фудунстве имелся один кирпичный заводик, где летом 1901 г. двое рабочих изготовляли 500 кирпичей в день (Мельгунов, подполковник. Бутханское фудунство. Хабаровск, 1903. С.61); В Мэргэньском фудунстве существовавшие по слухам (!) два кирпичных и один гончарный заводи исчезли после 1900 г. (Ижицкий, подполковник. Мэргэньское фудунство. Хабаровск, 1902. С.173); наконец, в Цицикарском фудунстве действовали лишь содовые заводи, зато целых 18 (Дуров, подполковник. Цицикарское фудунство. Хабаровск, 1903. С.85–86). Рекордным по части производства ханшина было из обследованных Ажехинское фудунство (около порта Инкоу): их там насчитывалось 57, они вырабатывали 760 557 пудов китайской водки в год, часть продукции даже продавалась в соседних районах (Богданов [А.Ф.], подполковник. Ажехинское фудунство. Хабаровск, 1902. С.190–191). Свообразным центром кирпичного производства являлось Хуланьское фудунство, где работало почти 90 кирпичных и гончарных заводиков (Люпов [С.Н.]. Хуланьское фудунство Хэйлуцзянской провинции. Ч.1. Хабаровск, 1903. С.211–213). Разумеется, такая продукция не могла никуда экспортироваться. Исключением являлось бобовое масло, но размер его производства для продажи был невелик (несколько сот тысяч пудов в год). Тем не менее, это составляло более половины экспорта, осуществлявшегося через порт Инкоу.

¹⁹⁷ Цихович, подполковник. Военный обзор Гириной провинции в Северной Маньчжурии. СПб., 1904. С.231.

¹⁹⁸ Щедрин, подполковник. Айгунское фудунство. Хабаровск, 1903. С.40.

что промышленность там также практически отсутствовала, за исключением двух-трёх винокуренных заводиков и нескольких мельниц¹⁹⁹. Торговля в населённых пунктах находилась в основном в руках китайцев, немногочисленные русские лавки продавали преимущественно водку, вино и табак. Это означало также, что возить по только что построенной КВЖД для местных нужд было практически нечего. А то, что имелось, местные жители из-за дорогого тарифа предпочитали транспортировать без участия железной дороги²⁰⁰.

Кроме того, активизация России в северных провинциях Китая вызвала беспокойство пекинских властей, которые стали по возможности противодействовать этому. В 1902 г. в Китае были приняты новые горные правила, затруднявшие получение концессий иностранцами. Одновременно Пекин в 1901–1902 гг. начал интенсивную китайскую колонизацию Маньчжурии (до этого переселение ханьцев на земли маньчжур запрещалось)²⁰¹. Она перекинулась и на русские области Дальнего Востока: по данным консульства в Чифу, в 1906 г. оттуда отправилось за Амур более 550 тыс. китайцев, а вернулось обратно только 400 тыс. Еще с 1880-х гг. китайская администрация пыталась распространять свою власть на своих отходников и на соотечественников в пределах русских земель²⁰². Китайцы прибирали к своим рукам мелкую торговлю, занимались контрабандой и охотой, составляли конкуренцию русскому населению на рынке труда. Всё это создало почву для заявлений о растущей «жёлтой опасности», связываемой со строительством КВЖД и освоением Маньчжурии²⁰³.

Русская колонизация не имела никаких возможностей конкурировать с китайской. Даже заселение собственных дальневосточных земель шло с ко-

¹⁹⁹ Экономическое обследование района Китайской Восточной жел[езной] дороги. Отчёт заведующего экспедицией И.Э. Гейштора. Западная и Восточная линии. СПб., 1904. С.115. Поэтому оптимистические заключения некоторых исследователей, например, В.Ф. Борзунова о том, что в 1891–1904 гг. «интенсивное проникновение российского капитала» привело «к разложению натурального хозяйства Маньчжурии» представляется сильно преувеличенным (Борзунов В.Ф. Транссибирская магистраль в мировой политике великих держав. Ч.1. М., 2001. С.85).

²⁰⁰ Экономическое обследование района Китайской Восточной жел[езной] дороги... С.117–118.

²⁰¹ Добролюбовский И.А. Хэйлунцзянская провинция Маньчжурии. Харбин, 1906; Болобан А.П. Земледелие и хлебопромышленность в Северной Маньчжурии. Харбин, 1909 и др.

²⁰² Соловьёв В.Ф. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861 – март 1917). Автореферат диссертации ... доктора исторических наук. Владивосток, 1979. С.24, 29–30.

²⁰³ Меркулов С.Д. Русское дело на Дальнем Востоке. СПб., 1912 и др. Сторонники «жёлтой опасности» опирались на цифры, показывавшие усиление притока иностранных подданных на российский Дальний Восток, однако они игнорировали тот факт, что китайцы смотрели на своё пребывание в России как на временный заработок, подавляющее большинство из них не горело желанием осесть в чужой для них стране.

лоссальным трудом. К 1861 г. там находилось лишь чуть более 3 тыс человек. За двадцать лет их число увеличилось до 48 тыс. с небольшим, но для огромной территории это была капля в море. Принятие специальных мер по усиленной колонизации окраины, введение особых льготных правил, а главное, значительные затраты казны на переселение дали результат: с 1883–1892 гг. туда направлялось в среднем менее 3 тыс. душ ежегодно, в 1893–1898 г. – по 5 тыс., наконец, в 1898–1902 гг. – по 13 тыс., а в 1903–1907 гг. – даже по 21 тыс. В итоге к 1908 г. на Дальний Восток из Европейской России по официальным сведениям прибыло примерно 212,7 тыс. человек²⁰⁴. Преимущество при переселении власть отдавала казакам: предполагалось, что на них можно будет возложить охрану границы. Денег на это не жалели, несмотря на то, что доставка одной казацкой семьи обходилась казне более чем в одну тыс. руб.²⁰⁵ Однако 240 тыс. русских в Приамурском крае к 1901 г. не могли решить даже проблему закрепления за собой территорий, уже официально принадлежавших России.

Меры по усилению российской колонизации дальневосточных земель далеко не во всём были успешными. Несмотря на то, что для желающих остаться на восточной окраине предусматривались специальные льготы, например, пособие в 100 руб. для нижних чинов, увольняемых в запас, если они оставались на Дальнем Востоке, вместо увеличения числа поселенцев власть получила совершенно иной результат. Пособие, как правило, пропивалось за несколько дней, а его получатель пополнял ряды местных бродяг и уголовников, промышлявших разбоем и грабежами. Не удивительно, что местные предприниматели предпочитали нанимать на работу китайцев, а по Владивостоку не рекомендовалось ходить после 22 часов без вооружённой охраны²⁰⁶.

В общем неудачная экономическая политика С.Ю. Витте на Дальнем Востоке получила косвенную оценку сразу после русско-японской войны, когда власти пришлось бороться уже не за освоение Маньчжурии, а за недопущение влияния оттуда на русские территории. Красноречиво прозвучало признание, сделанное в Финансовой комиссии Государственной думы в 1909 г.: «обстоятельства на Дальнем Востоке в последнее время приняли такой оборот, что Россия без всякого промедления должна принять решительные таможенные меры к тому, чтобы закрепить за собою в экономическом отношении свои

²⁰⁴ Справка по переселенческому делу в Приамурском крае. 1908 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.4. Д.26. Л.29–32.

²⁰⁵ Записка Военного министерства «О заселении приграничной полосы Приамурского края...» 31 октября 1893 г. // РГИА. Ф.560. Оп.27. Д.36.

²⁰⁶ Муров Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока. Томск, 1901. С.22–23.

дальневосточные области»²⁰⁷. Ещё хуже положение дел оказалось в Маньчжурии, где власть, чтобы противостоять японцам, была готова привлекать для хозяйственного освоения полосы отчуждения иностранцев, «так как лишь при этом условии мы можем бороться с теми экономическими центрами, которые уже начинают возникать в сфере японского влияния»²⁰⁸. Иначе говоря, российская экономика не выдерживала соревнования, ей вряд ли было по силам контролировать даже собственный Дальний Восток, не говоря уж о том, чтобы завоёвывать сколько-нибудь заметные позиции на зарубежных восточных рынках. Это нетрудно было предположить и просчитать, но это не входило в намерения С.Ю. Витте. Плачевные итоги предшествовавшей политики в отношении Китая выразительно констатировал в 1908 г. посланник в Пекине И.Я. Коростовец: «русско-китайские отношения продолжают быть неважными, Маньчжурия и Кит[айская] дорога стоят поперёк и мешают сближению». Не лучше окончилась и программа экономического проникновения в Китай (т.е., за пределы Маньчжурии): к 1908 г. русских даже в Пекине насчитывалось человек 40, в основном представлявших отделение Русско-Китайского банка и администрацию КВЖД (в Тяньцзине – всего 15). «Из коммерсантов-русских – ковенский еврей Рыжин и английский подданный беглый матрос Минин – по профессии акционист» – вот что осталось от былых грандиозных планов экономического господства в Центральном Китае²⁰⁹. С.Ю. Витте сделал ставку на авантюрный рывок, совершенно не подкреплённый необходимыми расчётами. Не удивительно, что он жестоко обманулся, а всю его «программу» постиг неминуемый полный крах.

²⁰⁷ Протокол заседания 5-ой подкомиссии Финансовой комиссии III Государственной думы 27 марта 1909 г., посвящённого закрытию порто-франко на российском Дальнем Востоке. Доклад Л.К. Шешминцева // Государственная дума. III созыв. 2-я сессия. Нумерной печатный материал, разобранный по комиссиям. Т.3. Л.145 (РНБ. Шифр: 30/4–50).

²⁰⁸ Журнал №2 Особого совещания по вопросу о введении гражданского управления на территории КВЖД 19 июля 1906 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.2. Д.309. Л.111 об.

²⁰⁹ И.Я. Коростовец – Б.Э. Нольде 24 ноября 1908 г. // РГИА. Ф.727. Оп.2. Д.329. Л.2 об. – 3.